

Гинеколог Йосиф Зильберман

Гинеколог Йосиф Зильберман нагло наслаждается жизнью. Он воплощение той самой Одессы, необыкновенной, остроумной, дерзкой и талантливой, которая существует не только в фольклоре и литературе.

Одесса – это не море, не Юморина и даже не Привоз. Город стал легендой благодаря гениям. Пару десятков таких мы знаем из учебников. С остальными встречаемся каждый день. В утренней маршрутке, на рынке, в поликлинике, во дворе есть Они. Неповторимые и самодостаточные. Встреча с ними заставляет вас расплываться в улыбке и постить их фразы в соцсетях. Чем больше их в любом городе, тем он ярче и самобытнее. Одессе в этом смысле крупно повезло.

Он был нежеланным ребёнком. И вообще не должен был появиться на свет. Ну, или прожить не больше года. Канун войны, 1940 год. Мама работала детским врачом, поэтому к коллегам на медосмотры не ходила принципиально, до тех пор, пока живот не увеличился в несколько раз. В районной поликлинике ей намекнули на злокачественную опухоль и отправили на срочную операцию. Тогдашнее светило гинекологии профессор Агоронов решил перед операцией осмотреть пациентку. И выдал: «Валите домой. Вашей „фибриоме” месяцев пять, если не больше». Мама рухнула в обморок, а когда пришла в себя, рассказала об этом папе, сидящему в коридоре с советской газетой в руках. Скандал случился прямо в больнице. Папа заявил: „Это не мой ребёнок! Мы 12 лет не предохраняемся, и ничего не было. Это не мой. Мне не надо – тебе тоже!».

Дома о причине скоропостижного возвращения из больницы доложили бабушке, которая, как и положено религиозной еврейской женщине, открыла рот на сына и невестку.

– С ума сошли – в пять месяцев аборт делать?! Я вам сделаю! Вам что, уже мозг выскоблили?! Что значит не твой, мишигинер (сумасшедший – идиш)? Значит, теперь будет твой!

Ослушаться главу семьи побоялись. Так появился на свет Йосиф Зильберман. В 1941 году. Вот уж действительно не вовремя.

– Что вас беспокоит? Яичник?! Беспокоить могут боли, кровотечения, отсутствие денег, отсутствие любовника, а яичник беспокоить не может.

Наш разговор с „главным женским врачом Одессы” Йосифом Семеновичем (Йосей, как его с нежной фамильярностью называют за глаза пациентки) похож на джазовую синкопу и происходит во время приёма. В паузах между осмотрами и назначениями он отпивает заварку из большой фарфоровой чашки и затягивается сигаретой прямо в кабинете. Ему можно всё, несмотря на возраст и крики завотделением. Зильберман не просто живая легенда гинекологии, копеечными назначениями и невероятным чутьём спасающая от бесплодия сотни женщин задолго до появления ЭКО. Он – воплощение той самой Одессы, необыкновенной, остроумной, дерзкой и талантливой. Он – её настоящая квинтэссенция, круче всех налётчиков и коммерсантов вместе взятых.

– Беременная, что принимали?

– Из таблеток?

– Нет, из алкоголя!

Все десять пациенток, сидящие в кабинете по стульчикам и кушеткам, радостно хихикают. Он принимает нон-стоп по восемь часов в день, не считая выездов на роды, но очереди всё равно, как в мавзолей. Ещё человек двадцать с журналами, едой и водой томятся под дверями. В ожидании можно провести часов пять. Всю жизнь он принимает в совковой консультации в сердце Молдаванки. Несмотря на брутальность и ругань,

Йосиф Семенович необыкновенно корректен во всём, что касается осмотра.

– Что страшно? Что значит кесарево? Ты видела свою @опу? Ты же машина для родов! Какое кесарево с такими бёдрами, шлёма? Иди отсюда! И молиться! Молиться Б-гу каждый день!

Его родителей забрали на фронт. А детей и ту самую строгую бабушку эвакуировали в Чимкент. Бабушка снова спасла годовалого Йосю – уже от голодной смерти. Кроме идиша, она в совершенстве знала пять языков, поэтому их перевезли в Омск и выделили землянку возле военного авиационного завода. Бабушка переводила документы и получала пайку хлеба, которую делила между внуками. После войны они вернулись на Рижельевскую, в разграбленную квартиру, и мама сказала, что жить в ней не сможет.

– Вот смотрите все на эту женщину. Это приличная женщина! Она хорошо рожала и слушала доктора. Ползи на кресло. Пиши! С 49-го дня после родов можно купаться в море, принимать ванну, жить половой жизнью, прыгать, летать, скакать. Покажи фотографию ребёнка. По-моему отлично получилось. Через пару лет можем повторить.

Йосю исключили из школы за хулиганство вместе с внуком профессора. Жаркий май, последние школьные дни и бесконечные годовые контрольные. Вместе с корешем они выскочили во двор и заметили ключи, забытые уборщицей в тяжелой школьной двери. Разумеется, пацаны заперли школу со всеми детьми и учителями и ушли на пляж. Правда, не знали, что пожарный выход был заколочен, и директору, чтобы выбраться, пришлось вызывать пожарных и милицию.

– Вечером нас схватили прямо на пляже – менты тогда отлично работали, – смеётся он. – А наутро уже исключили. Но спасли дедушка-профессор из Водного и месяц май – конец года. Конфликт замяли, и нас в сентябре восстановили. Ещё бы, хулиган Йосю выигрывал все областные олимпиады по химии и физике.

– Так, бери листик, пиши: шевеление плюс, сердцебиение плюс. Чего не я пишу? А чья карточка – твоя или моя? Тем более женщины моим почерком недовольны – его разобрать не могут. Я ж не на каллиграфа учился. Спасибо, что не спёрла ручку.

Он был единственным студентом-евреем на потоке в мединституте. Это был разгар антисемитской кампании. Тогдашний ректор Дейнека писал статьи о национальных и социальных квотах в вузах и притоке сельских жителей на элитные специальности. И официально заявлял: „У меня будет учиться столько евреев, сколько их работает в шахтах Донбасса”. На вручении дипломов он, отмечая каждую корочку рукопожатием и напутствием, не подал руки Зильберману с красным дипломом. Но отличник, воспитанный бабушкой и улицей, не растерялся – Йосю вышел на край сцены и вскинул над головой сжатые в замок руки, как боксёр-победитель, – зал хохотал и аплодировал.

По распределению Йосиф Семёнович попал в Белгород-Днестровский – один из ближайших к Одессе райцентров.

– Когда я пришёл в тот роддом, у меня было сразу две женщины... Одной – сто, второй – девяносто, но через полгода начался аншлаг. Я был, наверное, самым богатым молодым специалистом. Прикинь, полторы ставки в роддоме, полставки в консультации, семь дежурств на скорой и ещё успевал в рыбтехникуме читать гражданскую оборону! Аншлаг был обоснованным.

Ещё в институте он пошёл подрабатывать в ночные смены акушером в „еврейский” роддом на Разумовской (его закрыли в конце 70-х). Там были старые акушерки, которые до войны жили в Румынии и учились на курсах повитух в Париже. Они и стали его первыми учителями-практиками. А в Белгород-Днестровском Зильберман познакомился с главным районным гинекологом Виталием Анисимовым, светилом в области лечения бесплодия и невынашиваемости, который чуть ли не силой заставил перспективного молодого врача обучаться этой специализации.

– В свои 25 я был очень уважаемым человеком. Звонит ночью продавщица и кричит: „Доктор! Нам завезли бюстгальтеры! Импортные! Есть даже чёрные и розовые! Вам какой размер?”. А я знаю? Сиськи есть сиськи. Позвонил жене – она обрадовалась. Так и размер заодно узнал. Однажды счастливый папаша привез полфуры арбузов... Я один, в Одессе жена с малышом. Все соседи от моих продуктовых подарков прятались.

Он не помнит, сколько принял младенцев – на смене у единственного дежурного врача их могло быть больше двадцати. Зато помнит ход родов, имена и фамилии каждой пациентки, даже если перерыв между первой и второй беременностью был больше десяти лет.

– Леночка, помню ли я тебя? (Леночка приехала в роддом на 12-сантиметровых шпильках с ценником на подошве, потому что воды отошли прямо посреди магазина). Ну, конечно, только такая пришмаленная может рожать в шаббат, да ещё и в ливень! Мужу скажете – на шесть дней доступ к телу запрещён.

К нему приезжали и приезжают на лечение не только со всего бывшего Советского Союза, но и из-за границы. Его маленькая гордость – женщины, благополучно выносившие и родившие после пяти замерших беременностей, или малыш, появившийся после двадцати лет бесплодия. Он врач от Б-га, и все его пациентки восхищаются талантом и призванием.

– Ты понимаешь, – он подкуривает очередной „Парламент”, – я так любил химию, астрономию, геологию... Особенно химию. Но работать учителем как-то не хотелось. Мужчина должен обеспечивать семью. Да, у нас в роду несколько врачей – мама, старшая сестра, но только сестра знала, куда я подал документы на поступление. Если бы я мог вернуться в свои семнадцать, то, наверное, стал бы астрономом или геологом. В семидесятые, особенно за пределами крупных городов, была сумасшедшая смертность – и детская, и рожениц.

Йосиф Семёнович помнит свою не первую, но самую яркую женщину со зловещей фамилией Умрихина. Её привезли в родах и оставили дежурному врачу. Зильберман показывает руками полтора метра ростом на полтора шириной.

– Раскрытие полное, а родить не может. Я чуть сам не родил... Ребёнок оказался больше пяти килограммов. Но мы смогли! И тут у неё началось кровотечение. Это сейчас его можно легко остановить, а тогда... при таком крупном ребёнке. Мы за ночь чуть не по-

седали все. Спасли, вытащили. На утренний обход приехал начмед и удивился: а почему не кесарили? Я говорю: судя по лицам родителей, там и так явно не Карл Маркс и головка уже в таз вошла, я бы инвалида вытащил в лучшем случае. Ну, обошлось – все живы, а победителей не судят.

– Шо вы меня благодарите за беременность, как будто это я вам заделал ребёнка. Б-га благодарите!

Мне интересно о детстве, о жизни, как, когда, почему, какие бабочки на тропе привели мелкого хулиганистого и невероятно обаятельного живчика встречать в этот мир и не пускать в тот.

– Нет, велосипеда у меня не было – жили небогато. А самый памятный и дорогой подарок детства – книги. Первая огромная про зверей и динозавров с цветными картинками, а уже в школьные годы родители подарили „Занимательную химию” и „Занимательную физику” Перельмана. Самые прекрасные книги в моей жизни. Я до сих пор по телевизору смотрю только National Geographic.

За дерзкие роды исключительно естественным путём, упрямство и хроническое нежелание выписывать „нужные” дорогие лекарства его не слишком жаловали ещё с советских времён, но Зильбермана грех тщеславия явно обошёл стороной. Он не раз отказывался и от аспирантуры, и от мест в лучших клиниках Израиля, Германии, Франции и США.

– На фи́га? Что, в Одессе перестали рожать? Хотя в нашей консультации в 17:45 эти странные женщины отключают лифт. Немножечко неудобно – у меня приём до 18:00 в лучшем случае. Мы спускаемся в сорокоградусную августовскую жару по старой советской лестнице. Зильберман в свои 76, покашливая, бежит впереди и ворчит: „Ну ладно я, а если беременная тут будет идти? Ей же может стать нехорошо”.

Он был нежеланным ребёнком. И вообще не должен был появиться на свет. Ну, или прожить не больше года. Ему удалось не просто выжить, а стать проводником – спасать, вытягивать, приглашать в этот мир сотни новых жизней. Он веселит, вселяет надежду и в свои 76 нагло наслаждается жизнью – и в родзале, и в модном баре с коктейлем, и на джазовом концерте, и в синагоге. Маленького роста, с кудрявыми волосами, выдающимся носом и гигантской звездой Давида на шее он кричит по дороге домой кому-то в телефон:

– Да, если всё в мире будет нормально, то завтра с 10:00 я в консультации. Ша, не реви! Кто сказал, что ты бесплодная?! Кто-кто? Господь Б-г? Нет? А кто? А-а-а... профессор. Не слушай их. Приходи завтра.

Юлия ВЕРБА.